

ИВАН И ЗОЯ

(Роман в письмах)

Сегодня мы начинаем печатать роман в письмах «Иван и Зоя». Вы уже поняли - он о любви. О том великом, «что движет солнце и светила». И ничего больше говорить не будем, ибо перед нами то, перед чем все слова теряют силу.

Этим романом мы открываем и серию публикаций, посвященных 50-летию Великой Победы. Приглашаем всех фронтовиков, их жен, детей, близких поделиться воспоминаниями. Мы были бы бесконечно благодарны вам, если бы вы предоставили для публикации и письма военных лет.

Прежде чем приступите к чтению этой прекрасной человеческой истории, очень хочется, чтобы вы узнали о женщине, которая дала роману в письмах вторую жизнь, - о Нелли Дмитриевне Коробенковой, учительнице русского языка и литературы Бичурской средней школы № 1. Тридцать с лишним лет работает она здесь, где когда-то училась и сама, и двадцать лет руководит школьным краеведческим музеем.

Вчера, 30 марта, для Нелли Дмитриевны был значительный день - 55 лет. А в юбилей, как никогда, хочется вспоминать. Особенно друзьям.

«Нелли всегда была для меня как старшая сестра, - рассказывает бичурский библиотекарь Полина Кузьминична Луговская - старше не годами, а тем, что всегда шла на шаг впереди.

В восьмом классе Нелли даже заменяла у нас учительницу литературу. Мы удивлялись: откуда она так много знает? Нам, детям колхозников, было невдомек, что есть другие, кроме школьной, библиотеки. А Нелли уже, наверное, тогда перелопатила весь отдел литературоведения в районной библиотеке. Мы, одноклассники, часто собирались до уроков вокруг нее и просили рассказать нам задание. А потом выкладывали учительнице эти знания.

После школы Нелли поступила в Бурятский пединститут, и мы с ней встретились, когда я уже работала в районной библиотеке. И, что удивительно, у нее самой дома книг полно, а она постоянный наш читатель, и ученикам покоя не дает, заставляет все время рыться в книгах.

За что бы ни бралась Нелли, все делает замечательно. Часто ее просят провести вечера на разные темы, и она такое откуда-то выкопает - диву даешься. Был в районном Доме культуры вечер, посвященный вдовам войны. Она обошла всех этих женщин и такие душещипательные подробности говорила на вечере, что многие плакали.

А какую огромную работу она ведет в школьном музее? И каких только экспонатов там нет - даже семейский наряд из Америки! И, знаете, она собрала две тысячи писем с фронта. Даже сами фронтовики из нашего совета ветеранов поначалу ей не поверили: такого, мол, не может быть, нам некогда на войне было писать. А Нелли Дмитриевна притащила им в доказательство целый чемодан, набитый солдатскими треугольниками.

Я совсем забыла сказать о том, как ее любят ученики. В библиотеке встречалась со многими, кто пошел по ее стопам.

Нет ничего тяжелее юбилеев, но так хочется, чтобы в этот день Нелли

Дмитриевна Коробенкова прочла строки признательности ее труду, ее подвижнической деятельности в глубинке Бурятии и, думается, что звание «любимая учительница» уже давно и навсегда заработано ею».

Сиж у вечерней лампы и мучительно думаю: сумею ли рассказать об этой любви, удивительной и прекрасной. Любви, пронесенной в чистоте и незапятнанности от первых довоенных встреч через четыре года войны и сорок послевоенных лет. Название родилось сразу, как только залпом прочтала несколько пухлых пачек любовно сохраненных писем с фронта и на фронт. Вспомнились пронзительные слова больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». И захотелось сделать известным это «нетленное» ибо письма времен войны - документы, которые не должны подлежать забвению.

В горящую минуту своей жизни, вскоре после похорон жены, Иван Илларионович Коновалов передал мне письма Зои Ивановны Глушковой – невесты, адресованные ему на фронт. Их более двухсот, написанных аккуратным девичьем почерком, двести признаний в верности и любви, двести посланий, призывающих к мужеству и стойкости в бою. Имя невесты шептал под пулями командир взвода Коновалов, повторяя его как клятву, ибо «Зоя» - это жизнь.

Вручая мне бесценные семейные реликвии, в том числе и свои фронтовые треугольники, бережно сохраненные Зоей Ивановной, Иван Илларионович скорбно и мудро заметил: «Жизнь подошла к такому рубежу, когда собственные письма с войны и письма Зои Ивановны перестали восприниматься только как наша личная переписка. Это одна, пусть маленькая, но искренняя и правдивая страница нашей общей исторической памяти».

Сиж у вечерней лампы и решаю: о своей любви и верности они расскажут сами, строками писем. Однако без короткой предыстории все же не обойтись.

В Кяхте, в немыслимо далеком 1938 году, встретил комсомольский секретарь местного педучилища Иван Коновалов будущую жену, легкую и озорную второкурсницу Зою Глушкову. Она - горожанка, выросла и закончила школу в Улан-Удэ, куда ее отец приехал на строительство первенца индустрии Бурятии паровозовагонного завода.

Иван - потомственный крестьянский сын из ближнего Кяхтинского села Тамир. Семья была большая, пятеро братьев. «Каких мы с тобой сынов вырастили, - говаривала, бывало, мать Сусанна Ивановна мужу, глядя на своих красивых, рослых, как на подбор, сыновей. И лицом пригожих, и к работе гожих». Особенно гордилась мать Иваном: в Тамире он первым получил высшее образование.

...В тот день, 6 сентября 1938 года, шли они по притихшим аллеям городского парка. Земля, похожая на разноцветный плат, впитывала последнее тепло осеннего солнца. Багровым цветом отливали Зоины косы. И через пять, и через сорок пять лет, будут они вспоминать этот сентябрьский день и тот миг, когда он отвел от нее липа легкую паутинку, и встретились их взгляды. Они ничего не сказали, тогда самые важные решения люди чаще всего принимают без слов. Позже, когда Иван пойдет на действительную, напишут они клятву-обещание, которой будут верны всю жизнь. Шесть лет длилась переписка лейтенанта Коновалова и его невесты. Учитель истории и географии Иван Илларионович изучал науки не только

в вузовских аудиториях - на полях сражений.

Западный фронт, Москва, госпитали Казани и Самарканда и в самом конце войны - тыловые части, где заканчивал службу по ранению, признанный негодным к строевой. Сохранились довоенные письма. Они полны тепла и нежности. В них много молодого озорства, задора, шуточных розыгрышей и веселых рисунков. В них радость бытия, грусть расставаний, мечты о скорой встрече. Но сквозь безмятежность переписки просматривается время, о котором тогда пелось в песнях в «воздухе пахнет грозой». Молодые красноармейцы проходили ускоренный курс подготовки, усиленно изучали не только стратегию и тактику военного дела, но и немецкий язык... Наступил сорок первый. Никто еще не знал, какой особой метой он будет отмечен.

11 января 1941 года. Усть-Кяхта.

Любимый мой! Я очень рада, что уже идет сорок первый год. К концу наша двухлетняя разлука, приближаются дни желанной встречи. Пусть быстрее проходит время.

За шесть дней до начала войны.

Ваня! Моя жизнь, мое счастье, возможны только с тобой. Нет, и никогда не будет человека, который заменил бы тебя. При любых обстоятельствах, что бы нас ни ожидало впереди, остаюсь преданной тебе.

Помни это.

Первое письмо военного времени датировано 22 июля 1941 года. Прошел месяц войны. Зою она дома, в Улан-Удэ. Это был ее последний отпуск за все четыре военных года. Письма из далекого тыла дают представление о том, что, хотя Бурятию не перечеркивала линия фронта, война была и здесь. Она звучала в голосе Левитана, доносившемся из памятной черной тарелки репродуктора. Война была в хлебных карточках, в эвакуированных в далекое Забайкалье ленинградских детях. Война была в плотных, молчаливых очередях за хлебом. Война была во всем. И, казалось, всегда.

22 июля 1941 г., Улан-Удэ.

...Улан-Удэ не узнать. Везде теперь идет серьезная работа. Работают все военно-оборонные кружки и общества. Были на субботнике, на заводе, где хорошо потрудились. Однако, несмотря на военное время, нашли возможности нас, как экскурсантов, провести по цехам. Все очень интересно. Хорошо бы научиться работать на станке. Но я уже поступила заочно в Улан-Удэ́йский учительский институт, на естественный факультет. Получила учебники; физику, психологию, химию. Предстоит серьезно взяться за изучение основ марксизма-ленинизма.

Работать теперь в школе и над собой надо в десять раз больше, чем раньше... Письмо не закончила ввиду воздушной тревоги. Дописываю утром 23 июля. Ваня, пиши по возможности чаще. Перерывы очень беспокоят меня, а теперь особенно.

Остаюсь верная твоя Зоя.

Июль 1941 года. Улан-Удэ.

...Сегодня получила, наконец, твое письмо. Сколько я пережила! Речь В.М.

Молотова возвестила всей стране об угрожающей обстановке. В эти дни, когда мы полны ненависти к врагам, хочется чем-то помочь Родине, быть полезной каждую минуту. Понадобится, будем работать день и ночь; нужно будет, поможем вам с оружием в руках. Не беспокойтесь о нас, не волнуйтесь.

Война нарушила привычный ритм школьной жизни. Школы в Улан-Удэ превращены в госпитали. Детей учили в приспособленных зданиях. После уроков, а часто вместо уроков-работа. В торг на заводах, в селе - на зернотоках, в поле. Тогда и познала Зоя Ивановна тяготы и радость крестьянского труда.

Июль 1944 года. Усть-Кяхта.

...Включились в настоящую работу. Были на сеноуборке. Потом меня направили пионерский лагерь вольно большая семья. Меня назначили начальником лагеря. Требовались продукты, а тут суматоха! Продуктов не стало. Я вставала в пять-шесть часов и кружила с утра до ночи. Скоро начало занятий, но нас раскрепили по бригадами прочитали приказ: учителя и учащиеся работают в колхозе по 15 ноября. Нас, трех девушек, прикрепили к бригаде № 1, к дальнему стану, за 12 километров от Усть-Кяхты. Поработали в бригаде хорошо. Работали в поле, а также выпускали стенгазеты, проводили беседы. Урожай пшеницы неважный. Приходится собирать граблями. Норму всегда перевыполняем. Я могу быть настоящей колхозницей. Была на сортировке, копнила и сгребала пшеницу.

А в личном деле курсанта Сретенского военного училища И.Коновалова в это время появилась выписка из акта по выпускным испытаниям, которая свидетельствует, что «социально-экономический цикл, тактику, огневую подготовку, военную топографию, связь, артиллерию, строевую, уставы» он знает на «отлично». Общая оценка «отлично».

Еще знаем, в марте 1939 год рядовой Коновалов вступил в партию. В Сретенском пехотном училище товарищи избрали серьезного и основательного юношу секретарем партийной организации, они быстро выросли, предвоенные мальчишки...

Н. КОРОБЕНКОВА

(Продолжение следует)

«Бичурский хлебороб» 1 апреля 1994 года

К 50-летию Великой Отечественной

ИВАН И ЗОЯ

(роман в письмах)

(Начало в N 59)

3 ноября Иван Коновалов получил звание лейтенанта и назначение на должность командира стрелкового взвода. А через два дня воинский эшелон уже мчал новобранцев ноябрьского призыва по заснеженным просторам Сибири на

истекающий кровью Западный фронт. Проезжая Улан-Удэ, Иван шлет невесте телеграмму, прося прощения за то, что опять отодвинулось время их встречи.

Москва, куда они стремились, шла в эти часы в суровом военном параде мимо древних стен Кремля.

7 ноября 1941 года. Улан-Удэ, проездом.

...Пишу с дороги, в вагоне. Итак, дорогая, на мою долю выпала честь защищать наши священные города и села от обнаглевшего фашизма.

Я сохраняю самые высокие чувства к Родине и тебе. Надеюсь, ты свято будешь хранить нашу любовь, будешь, верна и предана мне. Оправдай, оправдай мои надежды.

Я получил воинское звание лейтенанта (два «кубаря»). Извещаю об этом, чтоб ты знала: иду на фронт командиром Красной Армии...

Прости, что написал так плохо: очень трясет.

10 ноября 1941 года.

Подъезжаю к Омску. С честью буду стоять в бою. Видел и разговаривал с участниками боев. О жизни моей (буду ли жив) гадать не будем.

Знай только, я предан тебе и Родине. Знай это и не забывай.

20 ноября 1941 года.

Прибыл в город Куйбышев. Пробудем здесь два-три дня и будем направлены дальше, насколько мне известно, на Москву. Подъезжая ближе к фронту, ощущаешь военное положение. А что значит, когда в стране война, описывать не буду, сама знаешь. По пути эвакуированные и местные жители, встречая нас, произносят: «Бейте сильнее фашистов». У нас одно чувство – скорее прибыть на фронт и победить заклятого врага. Сколько этот пес Гитлер погубил молодежи, сколько крови пролила Европа! И в бредовой ярости он бросился на нашу страну. Мы будем защищать каждую пядь своей земли, и не господствовать ему над нами. Мы - сыны Ленина и защитим нашу страну.

Настроение хорошее, бодрое... Жди меня с поля боя победителем. Не буду гарантировать жизнь свою, но и в крайности бросаться не надо. Чувствую себя совершенно спокойно, бодро, энергично.

Ноябрь 1941 года. Сызрань.

...Завтра или послезавтра вступлю в бой. В этот момент я помню тебя. Зоя, дорогая моя, возможно, будут перерывы, но будь спокойна. Условия войны таковы, что только вчера думал, как умело вести бой, а сегодня думать поздно, нужно действовать. Словом, прошел мирный период учебы, наступает боевой... Не могу обещать твердо, что вернусь, что пули от меня отлетят, но и не хочу заранее умирать и поддаваться разным предположениям.

Оставайся, учись, работай.

Жди меня.

II

Читаешь эти документы и думаешь: как много в них чувства, глубины,

убежденности и нравственной силы. Этим же отличались и письма на фронт.

Без даты. Усть-Кяхта.

Здравствуй, любимый!

Прими пламенный, сердечный привет! Сегодня получила два твоих письма, чему была очень рада. Спасибо, что в дни суровых испытаний ты помнишь обо мне, веришь в нашу встречу. Я бесконечно предана тебе. Верь мне. Как много хочется тебе сказать. Нет минуты, чтобы я не думала о тебе. Твою телеграмму из Улан-Удэ о том, что направляешься на фронт, я получила. Она произвела на меня большое впечатление. Ведь ты едешь защищать нашу Родину от фашистских псов.

Я живу в Усть-Кяхте при школе, Директора Климовича взяли в армию. Как ученика, так и учителя много помогают колхозу. Готовимся к посевной кампании. Специально изучаем сельское хозяйство. Занимаемся три раза в неделю. Все учителя-политагитаторы. Люди работают с большим воодушевлением и энергией. Женщины встали вместо ушедших мужчин. Хочется как можно больше и лучше работать, чтобы помочь в разгроме этих извергов. Они помешали нашей счастливой жизни, мирному строительству. Они обрушились на советский народ всей своей огромной машиной, но народ-богатырь не даст пощады непрошеным «гостям».

Жди моего письма. Я буду писать тебе часто. Пиши хоть два слова: «Жив, здоров».

21 декабря 1941 года. Фронт.

...На мою долю выпала честь непосредственно защищать нашу Москву. Москва по-прежнему живет своей жизнью. Работают все учреждения и заводы. Гитлер стянул на московском направлении большое количество дивизий, много танковых. Он хочет пировать в московских ресторанах и маршировать по площадям. Но из его бредовых идей ничего не вышло. Хотят с воздуха ослабить дух населения столицы, посеять панику и т. д. Но волю советского народа никто не сломит. Гитлеровским псам удалось разбомбить отдельные здания, жилые дома, не имеющие никакого военного значения. Фашисты, пробиваясь отдельными самолетами, сбрасывают бомбы на головы стариков, детей и женщин. Я был свидетелем того, как один из фашистских самолетов пикировал на жилой квартал, сбросил бомбы большого веса на четырехэтажное здание. Взрыв огромной силы, большие разрушения, плач детей, стоны...

Я был метрах в трехстах. У здания, где я шел, все окна выбиты. Гитлеровцы бомбят мирных жителей, жилые кварталы, а не военные объекты, о чем так часто кричит Гебельс.

Но вообще в Москве не большие разрушения. Во время воздушных налетов движение приостанавливается, население уходит в убежища, которые хорошо оборудованы.

Сообщение о воздушной тревоге объявляется очень быстро по радио и по всей Москве. Во время тревоги на улицах слышны звуки сильной стрельбы наших зениток. В первый раз в такой обстановке чувствуешь себя неуютно. Ну, а теперь ничего. Здесь, под Москвой, мы вместе с Михалевым и Крыловым. Но, по всей вероятности, придется нам разъезжаться по разным частям. Конечно, очень жаль.

Как было бы хорошо, если бы нас послали в бой вместе.

Часто с Михалевым беседуем о минувших мирных днях. Как жили, учились. И как будет в бою. Вспоминаем братву... Вспоминаем тебя. Он уверяет: «Зоя тебя дождетя, еще как заживете». Как ты работаешь и учишься? Жизнь у вас в Усть-Кяхте более мирная, не чувствуется, как здесь, близости фронта. На нерегулярность переписки не обижайся. Будь терпелива.

4 декабря 1941 года. Фронт.

Дорогая Зочка! В течение длительного периода нашей совместной учебы и работы, а потом живой переписки мы изучили друг друга и решили связать нашу жизнь, идти по одной ясно очерченной дороге к счастью. Счастливые дни, когда мы были вместе, учились, веселились, прошли. Но не пройдет наша преданность и горячая любовь. Я верен тебе навсегда.

Для меня настали напряженные дни и минуты. Я должен драться с заклятым врагом как верный сын Родины, как большевик. Со мной Михалев Миша, Крылов. Возможно, и понадобятся эти люди для справки при всевозможных неожиданностях.

Писать больше не могу - время ограничено. В этой войне фашистские гады скоро найдут себе могилу. Придет время, и над Берлином будет развеяться красный флаг победы.

Лейтенант Коновалов прибыл на фронт 4 декабря, а на следующий день наши войска перешли в контрнаступление. Стояли сильные, необычные в этих краях морозы. Свой первый бой Коновалов принял там, где сейчас проходит мемориальный рубеж Ставы, там, где был остановлен враг. С 6 декабря советские войска безостановочно преследовали противника. При всех сложностях солдатского быта Иван пишет письма невесте, пишет из промерзших блиндажей, на простреленной планшетке, при тусклом свете коптилки.

16 декабря Коновалов вместе со своими фронтовыми товарищами вступил в один из первых освобожденных им городов. - Калинин. Город два месяца находился в оккупации. То, что увидели и слышали солдаты, наполняло сердца болью и ненавистью.

25 декабря 1941 года. Фронт.

Город Калинин после того, как здесь побывали фрицы, представляет тяжелую картину. Трудно найти неразрушенный дом. Целые кварталы снесены с земли, сожжены. Торчат одни трубы. Все до основания разрушено. Что только фашистские головорезы не творили здесь! История будет помнить тяжкие злодеяния немецких варваров. Едешь вдоль фронта и видишь огненные языки. Это горят села, подожженные гитлеровцами. По пути фашистский бомбардировщик пытался нас бомбить, но был обращен в бегство нашими зенитками.

Н. Коробенкова
(Продолжение следует.)
1 апреля 1994 года

«Бичурский хлебороб» 5 апреля 1994 года

ИВАН И ЗОЯ

(Роман в письмах)

Без даты. Фронт.

Привет с фронта Отечественной войны!.. Больших изменений в моей боевой жизни не произошло. Жив, здоров. Где Кеша Игумнов? Может, дома, поскольку мне известно, что он был ранен. Не могу разыскать задушевного друга Мишу Михалева.

Зюечка, как уехал от тебя, с августа так ни звука о тебе не слышал. Надеюсь, что ты жива и здравствуешь, но как, не знаю. Несешь ли знамя нашей верности или погибаешь в мыслях раньше смерти? Я на передовой. Свист пуль, взрывы, треск и шум. Но пойми, все это не так уж непреодолимо. Не так страшен черт, как его малюют. Конечно, бои уносят много молодых жизней.

Фронт.

Зюечка! При всех обстоятельствах жизни будь верна тому, что создали мы сами за время долговременной нашей сердечной дружбы.

В мыслях ты моя верная жена. Но, если в суровом и жестоком бою буду сражен вражеской пулей, то вспоминай меня как верного и преданного друга, меня, лейтенанта Коновалова.

Пишу на немецкой бумаге и конверте. Немцы удрали и побросали.

Прошли полмесяца непрерывных боев, и вдруг неожиданная командировка в Москву. Новогодней ночью в гостиничном номере ЦДКА с затемненными окнами он сел к столу, написал первые слова: «Любимая, дорогая моя Зюечка» и надолго задумался. В памяти проплывало пережитое. Каждый лень в последний месяц перед глазами звериный лик казалось бы, всего месяц войны! Нет! Целый месяц! Ведь на войне у времени иное наполнение... Часы пробили полночь. Начался 1942 год, год тревоги и надежд.

1 января 1942 года. Москва, гостиница ЦДКА.

С Новым годом, любимая, дорогая моя Зюечка! Сегодня прибыл с фронта в Москву, в командировку на несколько дней. Проехал вдоль Западного фронта, был в городах Калинин, Клину, Солнечногорске, ныне освобожденных от немецких оккупантов. Города представляют страшную картину: одни развалины, торчат голые трубы. Нет дома, который бы не был поврежден. Только маленькие деревянные домики кое-где уцелели, да и те без окон и дверей. Клин и Солнечногорск понесли чуть меньше разрушения. Я ехал по Ленинградскому шоссе. По сторонам его валяются разбитые немецкие танки, автомашины. Немецкие самолеты бомбят нашу колонну. Но они успели сбросить одну-две бомбы и были обстреляны из пулеметов (нельзя же по всей линии фронта удерживать врага авиацией) и обращены в бегство. Скоро придет конец гитлеровцам. Священная советская земля должна быть освобождена.

Лейтенанта Михалева отослали в другую часть. Так что Долго не. Так что долго не увидимся. Очень жаль, что теперь буду служить и воевать без Миши.

Дни для меня трудные и суровые, но Я в эти дня не забываю тебя. Какая ты,

дорогая, милая мне...

И снова передовая.

28 января 1942 года.

Привет с фронта!

...Сибирь и ты остались вдали, но хочется знать обо всем и обо всех... Всем и гоним немецких псов с родной земли, отступают! Бегут! Когда же принимают бой, каждый раз он для них поражение. Я вступил в бой с момента возвращения из Москвы. Пока невредим. Приходится переносить трудности и неожиданности в каждом бою, ибо бой - это испытание моральных и физических сил. Все пережитое не поддается описанию.

Зоя, как часто я вспоминаю тебя. Вернусь с полной победой над врагом.

Жди меня и отзовись. Он пишет и не получает ответа, почта не успевает за армией. Только в мае, почти через полгода после прибытия на фронт, он получил долгожданное письмо.

30 мая 1942 года. Усть-Кяхта.

Дорогой мой Ваня!

Весть с фронта - большая радость. Сердце наполняется тревогой, но и гордостью, и радостью ты бьешь фашистов, ты жив! Получаю письмо - конверт подписан твоей рукой. Значит, ты жив, с тобой все благополучно.

Читаю я не одна. Иногда подруга Надя не дожидается меня, распечатает, прочтет. Как только я на порог, она сообщает: «Ваня жив и здоров. Принимаюсь читать. Перечитываю несколько раз. Кладу письмо близко, чтобы можно было перечитать в любой удобный момент. Дороги написанные тобой строчки. Вглядываюсь в каждое слово, в каждую букву. Хочу знать о тебе все. Ежедневно гибнут люди, а это все братья, отцы, любимые наши. Жаль, что мы, тыловики, кроме материальной помощи ничем не можем помочь. Но придет час, когда Гитлер будет изгнан с нашей территории. Он будет выброшен, как глубоководная рыба бывает выброшена на поверхность. Буль смел и отважен, мой милый.

24 февраля 1942 года. Фронт.

О своей боевой жизни много писать не буду. Жив, здоров. Сейчас отмечаем двадцать четвертую годовщину Красной Армии. Писал тебе много писем. Хочется все знать о твоей жизни, о твоих мыслях. Как ни тяжело ждать, но придет время и, если буду, жив, я вернусь к тебе.

2 марта 1942 года. Усть-Кяхта.

Прими привет из далекой Сибири и одно пожелание - бить врагов и быть здоровым. Наконец-то я вновь получаю от тебя письма. Вся жизнь теперь ожидание. В суровые дни и в жестоких схватках с врагом в твоём сердце находится место и для меня. Твои письма вызывают стремление отдать всю свою энергию для Родины. Очень хорошего мнения о тебе мои родители. Наша четырехлетняя дружба незабываема. Я жду твоего возвращения с поля битвы. Как я переживала и переживаю сейчас за тебя... Часто вижу тебя во сне. Спрашиваю: «Ты почему стал

какой-то молчаливый?» А ты ничего не говоришь. Я навсегда верна тебе. Пусть письмо мое потеряется и написанные строки сотрутся, но останется вечной моя верность и любовь к тебе. Я иду вместе с тобой. Моя рука в твоей руке. Круши врагов ураганным огнем. И возвращайся домой невредимым.

Ваня, напиши мне имя и отчество твоей мамы.

Февраль 1942 года. Фронт.

Нахожусь в Смоленской области. Настала пора освобождать земли, временно захваченные оккупантами. Гоним и бьем беспощадно.

Крепко запомнят, кто уцелеет, на что способна Россия и ее солдаты.

Фронт... Война... Трудности и неожиданности боя... Можно бы многое тебе рассказать, описать эпизоды личного участия. Но война не закончена, немцы на нашей земле. Как хотелось бы быть в бою вместе с друзьями по учебе в техникуме. Как идет твоя тыловая учительская работа? Воспитывай хорошо. Вноси - кляч я воспитание патриотов, чтоб и дети не знали страха в борьбе за Ориону. Воспитывай смелых патриотов СССР. Работай с населением...

С сентября опять о тебе ничего не знаю.

-III-

Письмо, которое сейчас прочтет читатель, вернулось с фронта, не найдя адресата.

14 мая 1942 года. Усть-Кяхта.

...Ты уже седьмой месяц обо мне ничего не знаешь. Я не знаю твоего адреса. Где ты? Я понимал, что находишься в трудной и напряженной обстановке, когда дорога каждая минута. От этого зависит победа. Будь, мой милый, отважен, смел и мужествен. Мы с Надюшей живем прямо в школе. Работы хватает. Каждый выходной с ребятами ходим на воскресники. Участвуем в работе активно. Из дома сообщили, что мой брат Коля (1923 года рождения) призван в армию. Возможно, и отец будет призван, тогда придется думать о семье мне.

Без даты. Фронт.

Зюечка! Прими боевой красноармейский привет! Живу самой настоящей фронтовой жизнью. Трудные и ответственные задачи приходится решать в бою, не считаясь с собственной жизнью. Не представлял я себе настоящий бой. Когда ехали с Мишей, только что, окончив военное училище, мы, молодые командиры-лейтенанты, по-разному представляли бой. Бывало, посмотришь из эшелона ночью на снежную гладь - такой враждебной она казалась, ибо знали: едем в бой. Знали: воевать придется и зимой, и ночью. Но сибиряки привычны к суровой зиме, и от жгучей ненависти к врагам отступают всякие сомнения. Многие вспоминали годы студенчества, братву нашу. Было бы прекрасно идти в бой с друзьями. Мы с Мишей мечтали быть вместе. Наша мечта частично сбылась, попали в одно соединение, но видеть друг друга не могли. А сейчас я могу только предполагать, жив ли он, ранен или убит. И он обо мне не знает ничего. Зоя, прошу, если он написал тебе, извести его обо мне. Адрес мой он знает. А была бы ты ближе, взял бы тебя санитаром! Не возражаешь? От тебя, как говорится, ни слуху, ни духу. Почему не пишешь? Я жив. Я по-прежнему живу тобой, твоей верностью и любовью. Живу

всем, что связано с нашей дружбой. Возможно, напрасны мои мечты и стремления. Но я хочу жить.

Солдатская судьба милостиво обойдется. Иван Илларионович Коновалов вернется домой. Но это будет нескоро. А пока в составе 4-й ударной Армии 1126-го стрелкового полка он идет фронтовыми дорогами.

«Мы наступали обычно ночью, - вспоминал Иван Илларионович. - Запомнились тяжелые бои под Хариново, за город Велиж. Мы укрепились на берегах озера, поросших редким сосновым лесом. Глубокий снег, чуть свернешь - по пояс провалишься. Все тропы фашисты заминировали. Шли под сильным минометным огнем. Откуда-то вдруг появились фашистские самолеты, снизились метров на 200 и начали ожесточенно бомбить. Спасло то, что бомбы падали на лед озера, лед был нетолстый, бомбы проваливались под лед и взрывались в озере. Это несколько уменьшало наши потери. Тяжелым было наступление 4 декабря в районе ст. Нелидово. Наше подразделение разгромило целую немецкую группировку».

При контрнаступлении в боях за город Велиж лейтенант Коновалов, в сложных условиях боевой обстановки уничтоживший немецкий оружейный расчет, был представлен к награде - ордену Красной Звезды.

А вскоре в боях под Смоленском он был ранен и госпитализирован.

«Это случилось **18 марта**. Заснеженное поле. Сосновый лесок. Неявны ведут зверский минометный огонь. Немецкие автоматчики ни на шаг не дают продвинуться нашим бойцам. Мои ребята были сляк молодые, необстрелянные, вчерашнее пополнение. Они старались быть вместе, группировались по несколько человек. Живая мишень для фрицев! Подползешь, в валенок ткнешь: расползайтесь, мол. Мина какая прилетит - всех сразу зацепит. Мы рассредоточились и подобрались ближе к фашистам, так что снаряды уже перелетали нас. Неожиданно застрочила «кукушка». И стреляют в сторону старшего командира, комбата. Думаю, отвлеку немцев и возьму на себя левый фланг. Иначе нас окружат и уничтожат. Так и сделали. Нам удалось остановить врага. Но неожиданно впереди - совсем рядом - разорвалась мина, к ее осколки поразили мне лицо. Первое, что увидел, когда очнулся, - моя черная вязаная варежка на белом снегу. Мамина варежка.

Любое ранение – беда. Лицевое удручало вдвойне. Щеки нет, губы разорваны, нос совсем скошен осколком. Спустя три месяца уже из казанского госпиталя он ответит на вопрос невесты, как все это случилось, и что он подумал, придя в себя.

Н. КОРОБЕНКОВА

(Продолжение следует).

«Бичурский хлебоборб» 6 апреля 1994 года

ИВАН И ЗОЯ

(Роман в письмах)

(Начало в NN59,61).

3 июня 1942 года. Казань, госпиталь.

...Не знаю, сколько я был без сознания. Очнулся, не пойму, что со мной. В голове невообразимый шум. Вспомнил, что очень близко разорвалась мина. Боли

уже не чувствую, дотронулся до Лица и белый маскхалат (рукав его) мгновенно стал красным. Я или про себя, или вслух произнес: «Хорошо, что жив». Попытался говорить сам с собой. Чувствую, звуки излаю. В рост идти, нельзя. Пули осыпали землю, но, будучи на краю гибели, шел. Потом вели наши, потом вез крестьянин на лошади.

Кормили через трубочку, рот не открывался, зубы выбиты, а оставшиеся повреждены. На всех промежуточных станциях, на моих документах ставят штамп «Срочно эвакуировать». Так я оказался в Москве, потом в Казани.

Сейчас выхожу на улицу, греюсь на солнышке. Ничего, родная, мы еще с тобой потанцуем.

1 июня 1942 гола. Усть-Кяхта.

Захожу в учительскую (Пиля уже прочла письмо, у нас с ней не было секретов). Сидит на стуле и как-то странно смотрит на меня. Потом говорит: «Вот от Вани. Читай». Сердце дрогнуло. Что с тобой? Жив ли? Как вынуть из конверта письмо? Собрала силы, читаю: «Ранен осколком мины...» Опустилась на стул и дала волю слезам. И ответить некуда. Нет обратного адреса. Получила твою телеграмму - опять адреса нет. Послала телеграмму в город Казань, на почтовое отделение - ответа нет. Почему же ты не пишешь, что с тобой? Почему только через два месяца ты написал мне о случившемся и то самыми общими словами.

Дорогой мой! Не расстраивайся. Брат твой Андрей должен заменить тебя на фронте.

Младший политрук А. Коновалов в это время уже направлялся на Сталинградский фронт.

Без даты. Казань, госпиталь.

Нам нет сейчас возможности быть вместе. Но будущее - за нас. Зоя, ты спрашиваешь, будут ли еще преграды для нашей встречи. Мне лежать в госпитале придется долго. И в самом деле, нам на встречи не везет. После окончания действительной службы надо было вернуться к тебе, а тут Гитлер объявил войну. По состоянию здоровья я пока не годен для службы, даже тыловой. Зоя, ты пишешь, что счастье в наших руках. Я согласен. Но счастье люди завоевывают. Наше счастье - в разгроме фашизма и верном ожидании встречи. Зоя, послушай, если буду, жив и во мне будет биться сердце, наша встреча (обязательно состоится. Во мне непоколебима вера в наше будущее счастье. Знай, я жив, и меня, как и тебя, никогда не испугают трудности.

29 апреля 1942 года. Улан-Удэ.

Ты находишься далеко от своего родного края и от меня. Пусть это письмо налом кит тебе обо мне. Я никак не могла найти тебя, не зная твоего адреса. Хотела разыскать тебя через радиоцентр, но моя попытка не удалась: Я люблю тебя, Вайя. Выздоровливай побыстрее, поправляйся. Восстанавливай утраченные в борьбе с коварным врагом силы. Я очень жалею, что в трудный момент ничем, кроме писем, не могу тебе помочь. Был бы ты поближе... Найдем же силы и терпение, чтобы перенести все удары и выйти победителями.

В моей жизни больших изменений нет. Наступает конец учебного года, но,

конца работы не будет. Мужчин в нашем коллективе нет: все на фронте.

10 апреля 1942 года. Казань. Госпиталь.

Война еще со мной. Весело я жил! Свист пуль, разрывы снарядов, грохот... Суровая фронтовая жизнь. Теперь бы только, побыстрее восстановить здоровье. Пока что терплю поражение, но дух и воля у меня большевистские. Коммунистом я сражался с заклятыми фашистами. Просто не могу спокойно произносить слово «фашизм».

5 мая 1942 года. Казань. Госпиталь.

В отношении здоровья пока похвастать не могу, хотя раны уже не являются опасными для жизни. Пока я еще слаб. Пробовал перед маем выйти на улицу. Оказалась - весна, а я представлял - все зима, лютые морозы, глубокие снега, дремучие леса. Просто все родное сибирское запечатлелось в памяти. Сейчас лежу и об одном жалею: мало я еще Гансов и мюллеров перебил. Какая ненависть, какая злоба к ним. Я еще отомщу им за все страдания моего народа, да и бойцы за раны своего командира тоже отомстят.

Зоенька, будь достойна всего, что воодушевляло нас четыре года, будь верна нашей любви.

30 апреля 1942 года. Усть-Кяхта.

Мне хочется отдать тебе всю душевную, сердечную теплоту, то теплое участие, которое, верю, вливает тебе силу.

Ванюша, у нас с тобой одна забота сейчас, чтоб ты как можно быстрее залечил свои раны. И почему же ты упорно не пишешь, какое ранение получил. Рано или поздно ты должен написать мне правду. Представь себя в моем положении. Как бы тебя ни ранило, путь у нас с тобой в жизни, один, и разлучить нас не сможет ни счастье, ни бедствие. Пиши только правду. Каждый час хочется знать, где ты, что с тобой. В зимней ночи, когда ты дрался с врагом, я думала о тебе и пролила не одну горячую слезу.

Без даты. Улан-Удэ.

Ты пишешь, что если бы я приехал к тебе в Казань, то меня ожидало бы огорчение. Видимо, не совсем хорошо залечиваются твои раны. Ты не пишешь об этом ни слова. А в одном из писем из Казани написал, чтоб я не расспрашивала. Я знаю, трудно писать о беде, но ты дорог Мне. И я имею право делить с тобою твои невзгоды. Не отстраняй меня, если считаешь частью своего сердца. А шрамы будут украшать тебя, и я буду целовать их. Это знак борьбы за Родину, за мое личное счастье. Ведь ты не допустишь, чтоб жизнь твоей девушки опошлял фашизм. 21 мая 1942 года. Казань. Зоя, милая, любимая Зоя! Ты настойчиво спрашиваешь о моем ранении. Что же скрывать дальше. Ранение я получил не из-за неаккуратности, а по не зависящим от меня причинам. Ранен в лицо, осколки вошли в щеку, губы «т.д. Кроме крупных осколков, много мелких, более десяти. Все осколки вынимать пока нельзя. Хорошо, что сильно не повреждена челюсть (а то был бы в добавок криворотый) и не повреждены мышцы, связанные с закрыванием и открыванием

глаз (а то был бы косоглазый).

Зоя, ты сильно не расспрашивай о ранах, ничего страшного, в общем-то, нет. Я еще счастливый.

Мама пишет, младшего Георгия взяли в армию. Пятого сына... Осталась старушка одна с внуками. Высылаю ей регулярно свой аттестат. Но разве в деньгах дело! Так жалко ее. Я ей пишу успокаивающие письма.

1 мая 1942 года. Усть-Кяхта. Сегодня, Первое мая. Нынешний праздник отличается от всех других: мы на работе. Этот день был в школе днем высокой показательной учебы. А вечером в сельском клубе прошло торжественное собрание учащихся. Премировали лучших учеников, смотрели их самодеятельность и самодеятельность подшефной военной базы. После чего танцы. Гармошки есть, да гармонистов не осталось.

Ваня, нелегко достается нам ожидаемое жизненное счастье. Не близок к нему путь. Конца войны не видно, но цель ясна. Мы будем счастливы, и коварный, злейший враг Гитлер не разлучит любимых. Это подлое чудовище дождется отмщения и будет стерто с лица земли. Прерывалась писать: пришла почта, и вернулись все мои письма: «выбыл по случаю ранения».

28 мая 1942 года. Казань.

Зоенька! Получил, наконец, письмо от тебя. Твои письма зовут к жизни, к счастью. Они воодушевляют, заставляют с мужеством и терпением преодолевать бесчисленные операции. Как же можно помирать от злодейской руки, когда жить и жить надо!

Я чувствую твою сердечность, хотя и ты далеко от меня. Ты быстро, как, настоящая подруга, отозвалась на беду. Впереди наша молодость, юность в расцвете. Главное - победить скорее Гитлера. И он будет побежден, в, этом ни один патриот не сомневается.

В моей полевой сумке все твои фотокарточки. Они были со мной в бою. И хранил я их, как самое дорогое, как саму тебя. Каждый раз, когда я смотрю их, вспоминаются все странички нашей любви.

Дописываю утром. Вчера писал с укутанной бинтами головой. Сегодня чувствую себя получше. Андрей сообщил, что проезжает Казань по пути на фронт. Но где и как? Может, я даже смог бы сходить на вокзал, но не знаю номер поезда и время. Как было бы хорошо встретиться.

Н. КОРОБЕНКОВА

(Продолжение следует)

«Бичурский хлебоборб» 8 апреля 1994 года

ИВАН И ЗОЯ

(Роман в письмах)

(Начало в №№ 59, 60, 62, 63)

22 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Обстановка у меня в эти дни такая уединенная, что ничто не мешает моим

размышлениям и воображению.

Имеешь ли сведения о ребятах на фронте: Мише Михалеве, Новожонове, Игумнове и других?

13 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

В колхозе предвидится неплохой урожай. Идут дожди, все быстро растет. Приезжай, накормлю мною выращенными огурцами и помидорами, В воскресенье смотрели пьесу «Женитьба». Да, я своим написала, сообщила им наше с тобой решение. Время час ночи. Сижу одна в сельсовете, дежурю. Занимаюсь письмами, мечтаю. Жду тебя.

28 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Усть-Кяхта заимела своих собственных артистов. В самодеятельность входит молодежь, не исключая учителей, и воинская часть Мостостроя. Руководит хоровым музыкальными кружками композитор Симонов. Уже было первое выступление, перед колхозниками выступили очень хорошо. Думаю, к твоему приезду стану солисткой (шутя).

30 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Скоро 6 сентября, годовщина нашего знакомства. Вспомни ты в этот день о нашей первой прогулке.

Летом сорок второго года Зоя Ивановна переехала в Улан-Удэ, к матери.

9 сентября 1942 года. Улан-Удэ, ПВЗ

Переписка наша прервалась. Знал бы ты, что происходит в душе, когда ничего не слышишь о тебе. 6 сентября - годовщина нашей встречи. Пятый год идет. Помнишь, когда мы расставались, я легкомысленно сказала: на пять лет. Сказала так, из духа противоречия. И вот этот дурацкий срок, назначенный мною, подходит к концу. Тогда мы не знали, что ждет нас в пути. И что разлука, начавшаяся в 1939 году, будет продолжаться до настоящего момента. Ожидаю благополучного исхода твоей операции. Меня открепили от Наркомпроса БМАССР в Улан-Удэ. Работаю в железнодорожной школе, с третьим классом. В классе больше сорока человек. Школа начальная. Коллектив большой, 20 человек. Все женщины. Папа, брат Геннадий с утра до вечера на работе. Маму с предприятием отправили работать в колхоз.

19 сентября 1942 года. Улан-Удэ.

Я теперь дома, у родителей. Это меня радует, чувствую приток сил и энергии. Встретимся, с чего разговаривать начнем? Я приду тебя встречать. Зайду на перрон и буду ждать: И вот я увижу тебя! Ты будешь искать меня взглядом. Однако, от волнения с места не тронешься. Правда все это, или сон, что я вижу тебя! Я побегу к тебе навстречу и расцелую тебя, Ваня! Ваня! Я найду силы и не заплачу. А может, и заплачу. Я вспоминаю тебя таким, каким ты был в последнюю нашу встречу, когда вы потеряли отца. Ты был очень печальный, задумчивый. Вижу тебя сидящим около стола. Ты опустил голову на руки. Вижу твои печальные глаза, и сквозь горе ты смотрел на меня с нежностью и любовью. Я же боялась даже подойти

к тебе.

Работаю в школе. Ходить сравнительно близко. Дети разные. Только что проверила тетради, писали контрольные работы. Помнишь, как ты помогал мне когда-то проверять тетради?

27 сентября 1942 года. Улан-Удэ.

Сегодня перечитывала твои письма из Сретенска, Москвы, с фронта, и, наконец, из Казани, из госпиталя в Самарканде. Сохранила все до одного письма. И ту первую заповедь, перед уходом в армию которую ты написал. Твои письма - это твой дневник. Мои письма, за исключением «казанских», вряд ли сохранились: Вот приедешь, и прочитаем наши письма вместе.

Школа N 66, где я работаю, хорошая, большая. Можешь писать и по школьному адресу.

8 октября 1942 года. Улан-Удэ.

Мы, бригада учительниц в составе шести человек, отправились в тайгу и пробыли там четыре дня. Видел бы ты нас! Сколько происшествий произошло! Вернулись уставшие, но здоровые. Ходили по тропам, собирали паданку. Иногда на хороший кедр залезали, на котором сучья снизу доверху. Молот тяжелый, мы его бросили. Решили собирать шишки на земле. Сначала страшновато было наедине с тайгой, но я люблю тайгу. Приезжай, угощу орехами собственной добычи. Ночью спали у костра, правда, холодновато. Таким образом, совершили кросс километров в 80 в оба конца. Питались ягодами и орехами. Прихожу домой, а мне сестра Инна вручает твою телеграмму и письма. Ваня, ты всегда успокаиваешь скорой встречей. Я ведь не боюсь продолжительности нашей разлуки.

13 ноября 1942 года. Самарканд. Госпиталь.

Дорогая Зочка!

Во вторник операция, а у меня неожиданно пошел осколок с группой мелких вниз, к шее: Эти осколки вообще не хотели трогать, не мешали вроде. И вот тебе раз. Осколок закрыл гортань, есть трудно. Как быть с ним, посмотрят. Наверное, и его придется немедленно удалять. 5-6 декабря, 1942 года. Улан-Удэ. Наконец-то получила твое письмо из Самарканда. Теперь знаю твой точный адрес. Завтра пошлю тебе телеграмму. Ваня, признаюсь, трудно ждать. Тоска гложет сердце, а одиночество, как яд. Бальзама от этого нет. Живу будущим. Как зарево светится счастливая встреча с тобой. Большая жизнь... И находишь силы. Будь только ты жив и здоров. Дождемся мы своего счастья. Я сохраню свою верность и любовь тебе, сколько бы это ожидание еще ни продолжалось. Потерять тебя - значит, лишиться жизни.

Итак, Ваня, кончились твои переезды. Птичкой бы прилетела к тебе.

Коротко о себе. Работаю. Занимаюсь в первую смену. Скоро каникулы. Кроме школы, почти никуда не хожу. Иногда посещаю наш кинотеатр. Посмотрела кинофильм «Парень из нашего города». Сидела и думала: это частичка и нашей с тобой биографии.

25 декабря 1942 года. Самарканд. Госпиталь.

19 декабря сделали вторую операцию. Заживление идет хорошо. Но операция предстоит и в январе. Дело в том, что на участок поражения нужна заплатка, заимствованная с другого участка. У меня будут брать лоскут с предплечья левой руки. Потом на лицо. Не переживай, ничего страшного. Рубцы, конечно, будут. Самая сложная операция в феврале. 30 декабря 1942 года. Самарканд. Сегодня воскресенье. Был бы мир был бы праздник. Проснулся, слышу музыка по радио. А вчера смотрел хороший кинофильм «Песнь о любви». И вот твои письма. Все это поднимает мое настроение. Смотрю на твою фотографию и всегда не могу наглядеться на тебя. Прошло три года, как стихия военной разлуки разлучила нас. Но стихию тоски мы покорили. Разлука закалила и сблизила нас. Нет и не может быть у меня счастья без тебя. Погибли мои лучшие друзья - Кеша Игумнов, Миша Михалев. Но враг получит свое.

1942 год. Самарканд. Госпиталь.

Получил вчера письмо от брата Петра, в котором он сообщил о тяжелой судьбе Андрея. Я потерял связь с Андреем с августа. А мама боится мне сообщить, и сама убита горем. Они уже получили письмо, что Андрей погиб. Теперь об этом узнал и я. Читая эти строки, я был потрясен. Я обливался слезами, мне воздуха не хватает от любви к брату и ненависти к заклятому врагу. Петр надеется, что, может быть, он ушел в партизаны. А если плен? Это равно убийству. Немцы его сразу расстреляют: он политрук, коммунист. Разве мать и отец растили сына для того, чтобы какой-то паршивый фриц отнял его жизнь? Андрей был у нас не просто золотой человек. Я знал, что он пойдет в эту человеческую бойню, навязанную фашизмом. Я советовал ему, как вести себя в бою (предостерегал от снайперов). Он ответил, что все мои советы ему пригодятся. Собирался увидеть меня, заботился о семье. У него сын четырех лет. Мы даже точно не знаем, погиб ли Андрей, пропал ли без вести. Я написал письмо на радио, но надежды мало. Я потрясен гибелью брата. Нас четверо братьев, мы отомстим, отомстим за твою кровь, Андрей, за слезы матери, за сиротство сына.

Вот с таким несчастьем приходится встречать Новый год. В сорок первом году потеряли отца, в сорок втором - любимого брата. Что принесет 43 год? Неужели погибнет вся наша семья, как истребили многих? Но фашисты дорого заплатят, не унести им поганые лапы с нашей земли. Но где же мои братья Миша и Гоша? Тоже не пишут. Как здравствует на фронте твой братишка?

Н. КОРОБЕНКОВА

(Продолжение следует).

«Бичурский хлебобоб» 9 апреля 1994 года

ИВАН И ЗОЯ

(Роман в письмах)

(Окончание. Начало в NN 59-65).

В семье Коноваловых воевали пятеро братьев. Трое из них Петр, Михаил и Андрей - не вернулись с войны. Восемь ранений получил младший Коновалов -

девятнадцатилетний Георгий. После войны оставшиеся в живых братья безуспешно разыскивали место гибели Андрея и Михаила. Зато дважды побывал Иван Илларионович в далеком селе Ляхово под Житомиром, там, где бережно приняла украинская земля тело старшего брата-пулеметчика Петра Коновалова.

Декабрь 1942 года.

С Новым годом! Пусть 1943 год будет годом Победы. Прошедший, сорок второй, был трудным для нас. И ты в борьбе с врагами стал победителем. 42-й год будет помниться тем, что ты на фронте, потом ранение, госпиталь и мое сочувствие твоей беде. Тебя снова ждут операции. Будь терпелив и тверд. Любящая тебя Зоя. 14 января 1943 года. Самарканд.

Здесь глубокий тыл. Война мало чувствуется. Город не затемнен. Тепло. Больные больше на улице, играют в домино. Здесь нет зимы, какую знаем мы, сибиряки. Я очень удивлен таким непривычным для меня климатом.

10 января 1943 года. Улан-Удэ.

Пишу письмо и слушаю радиомитинг, посвященный приветственной телеграмме т. Сталина трудящимся Бурят-Монголии. Мы собрали 23 млн. рублей на эскадрилью «социалистическая Бурят-Монголия».

Спасибо, Ванюша, за письмо.

Прекрасные твои письма. Хорошие. Я перечитываю их по несколько раз. Беру старые письма из Сретенска, с фронта, из Казани, а сейчас из Самарканда. Сохранила все твои письма, начиная с писем, которые ты писал еще из Иркутского университета. Я жду тебя уже четвертый год, и, если надо, буду еще ждать.

Самарканд.

Моя хорошая! Получил от тебя несколько писем. Читаю их с гордостью за нашу верность и любовь. Ты доказала, что умеешь ждать и дорожить счастьем. Жаль, что нам мало пришлось поработать вместе. Работая, я очень увлекся своим предметом в школе - географией. Я мечтал продолжить после действительной учебу в университете. И вдруг, как гром, война. Твои письма все эти годы помогают мне переносить жизненные трудности. Получу письмо, прочту его и представляю тебя живую. Вот ты сидишь около моей госпитальной койки, и у меня стихают жгучие боли. Своим вниманием ко мне, заботой ты заслужила мою преданность и сердечную любовь навсегда.

31 января 1943 года. Улан-Удэ.

Под вечер почта принесла письмо из Тамира от твоей мамы. Ответа на свое письмо я не ожидала, но, когда прочла обратный адрес, мое лицо облил румянец и учащенно забило сердце от радости за связь с мамой, мне родной, но еще не знакомой. Она просила, чтобы я написала тебе письмо. Какая была бы ей радость увидеть сына! Я перескажу тебе содержание письма, оно ведь предназначено и тебе. Понятно, все трудности из-за войны. Хозяйство держится на матери. Невестка Татьяна ежедневно на работе с ночевкой; с маленькой дочерью ее водится мама. Много трудностей в заготовке дров. Мучается невыносимыми Печальями о сыновьях. Предполагает, что Петр и Георгий тоже, как и ты, ранены. Пиши маме

успокоительные письма. Получил ли ты посылки от мамы?

14 февраля, 1943 год. Улан-Удэ.

Ходили коллективно в городской театр посмотреть пьесу «Дворянское гнездо». Выступали харьковские артисты. Пьеса очень понравилась. Ты читал эту книгу Тургенева. Помнишь, что случилось с Лизой и Лаврецким? Смотришь пьесу и все принимаешь за правду. Особенно тяжелые последние сцены. Я сидела и заливалась слезами. Многие не смогли сдержать слез. Скромная Лиза - настоящая

Русская женщина. Как трудно и гордо рассталась она навеки с любимым. И он уехал, любя ее и зная, что никогда не забудет о ней. Если бы я не была такой впечатлительной, то, возможно, смотрела бы пьесу спокойнее.

Ваня! Ваня! Приезжай, вместе пойдем в театр. А вчера у меня был день рождения. Хотелось бы быть веселой. Но день прошел, как все.

Сегодня я дежурю в райкоме комсомола до 12 часов ночи.

27 февраля 1943 года. Улан-Удэ.

Четвертый год жду тебя. На дворе глубокая ночь. Спать не хочется. Получила сразу три письма. И жизнь стала краше, и воздух чище, и голова выше, и работа спорится. Наплывают воспоминания о прошлом. Как мало мы все же были вместе перед столь длительной разлукой! Кто знал, что она будет такой. Почему мы не встретились раньше? Ведь мы же учились в одном училище, ходили по одному городу. Ты как-то особенно любишь Кяхту. Видимо, потому что это твоя родина. А ведь мы могли пройти мимо друг друга. Страшно подумать! Сейчас радио хорошо играет, а я вспоминаю наш сад и первую прогулку по главной улице. Музыка чем-то напоминает тот тихий осенний вечер. Ваня, мысли мои никогда не рассеивались на посторонние «предметы». Потому, наверное, в моих письмах много драматических страниц и нежных чувств к тебе»

Оставил меня девчонкой, а приедешь и не узнаешь: я тоже повзрослела.

22 марта 1943 года. Госпиталь.

У вас началась четвертая завершающая четверть. Как дела с успеваемостью? По каким предметам больше отстающих? Я часто думаю, как буду преподавать в школе географию после войны. Думаю, не ошибся в выборе профессии. Интересно было бы побывать у тебя на уроке. Ты у меня стала настоящей учительницей. Стаж четыре года. Неужели и у нас дома весна? Здесь дожди. Грязно, прохладно. Но сегодня солнечный день. Прямо перед моим окном толстое старое дерево орешника. Если бы ты была рядом.

31 марта 1943 года. Улан-Удэ.

Подала заявление в пединститут. Представляется возможность повысить свое образование. Пала и мама не возражают, считают мое решение правильным. 15 апреля, когда я приду в институт, сяду за стол и буду слушать преподавателя, этот день будет радостью для меня. Я знаю, как дорога тебе школа, как ты умеешь глубоко и интересно изложить свой предмет. Школа - часть твоей жизни. А у меня еще не все получается. У меня еще на хватает воли. Приедешь, постараемся мои

минусы ликвидировать. Я охотно пойду на их преодоление.

Ваня, в честь 25-летия РККА получила три твоих письма.

9 апреля 1943 года. Самарканд.

Война принимает затяжной характер. Утвердительно говорить, что скоро встретимся, нельзя. Мое излечение подходит к концу, и в этом заслуга советской медицины. Делает мне операции ученый, имеющий мировую известность, профессор, доктор медицинских наук Воячек. Исключительный человек! Мы, раненые солдаты и командиры, находимся в клинике, названной его именем.

6 июня 1943 года. Улан-Удэ.

Здравствуй, хороший мой! Подходит к концу пятый год нашей разлуки. Мы всегда в мыслях вместе. Мне кажется, дружба у нас необыкновенная. И жить с тобой мы будем тоже необыкновенно. Какое же большое место занимает в жизни человека дружба! Сегодня выходной. Перечитывала твои письма. Люблю ходить по городу одна - никто не мешает думать. Далеко летят мысли. Побывают у тебя. Спросишь, почему хожу с ПВЗ в город? Утром на зеленый базар. Между прочим, им можно даже полюбоваться. Много можно здесь увидеть. Появились масло, мука, зелень, молоко, брусника, орехи. Цены на них известные - военные. В 5 часов вечера иду в институт, до 22-23 часов. Вот такие прогулки. Вижу наших девчат с курса, и не встречала ни одного из ребят. Все на фронте. Кешина сестра Катя рассказала: Кеша был на Сталинградском фронте, тяжело ранен. И от тяжелых ран умер. Не верится, что Кеша нет в живых. Прошло четыре года разлуки с друзьями по училищу, и многих-многих в своих рядах не досчитаемся. Спрашивала о твоих товарищах: Воробьеве, Катаманове, Агафонове. Интересно знать о судьбе всех ребят. Первый вопрос, когда встречаюсь с кем из девчат: «Где Ваня?». Хвалил все тебя. Представь, за все годы т один человек, знающий тебя, не сказал мне: мол, к чему ждать. От всех слышу похвалы тебе и одобрение нашей дружбы. И все добавляют: «Жди Ваню, он хороший человек».

На нашем подготовительном курсе сейчас 30 человек. До последнего времени учился всего один, паренек, остальные девушки. Л вот недавно поступил учиться раненый из госпиталя. А у него перебиты ноги. Приходит всегда с товарищем, который приносит его тетради.

Слушаем лекции. Мною приходится читать.

Мой брат Коля лежит в госпитале в городе Сорочинске, Чкаловской области. Раны его снова открылись. Вернется ли на фронт, пока не знает.

26 декабря 1943 года. Улан-Удэ.

Поздравляю с Новым, 1944 годом. Будь здоров и счастлив, мой любимый. Очень жаль, что мы не вместе будем встречать сорок четвертый год, шестой год нашей дружбы и любви. Я всегда, хоть и нахожусь вдалеке от тебя, чувствую твое внимание и заботу. С таким, как ты, и невзгоды, и разлуки не страшны. Я горжусь тобой, благодарю тебя за то, что ты веришь мне. Как хотела бы сейчас через тысячи километров по эфиру передать тебе свой голос. Почему ты не получаешь мои

письма и телеграммы? Я тороплюсь, подать голос своему любимому, а где-то происходит замыкание. Я телеграмму посылаю только срочными, а они оказываются бессрочными.

Она оказалась права, Зоя Ивановна. Все письма и письма лейтенанта Коновалова, их военная переписка - послание в бессрочное будущее. Переписка обращенная и к тем, кто родился после войны.

Они встретятся незадолго после победы. Все будет почти так, как они мечтали. Только поезд придет в Улан-Удэ вьюжной февральской ночью с большой задержкой. Только не он замешкавшийся с повязкой, которую накладывал на лицо, первым увидит ее, а она. И обнимет его, и расцелует, и припадет к груди. Так встречают не невесты жены.

Впереди будет целая жизнь. Впереди - семья, дети (старшего назвали Александром, как говорила мне когда-то Зоя Ивановна, в честь великого полководца Александра Невского; остальных сыновей, а их в семье пятеро, именами братьев Ивана Илларионовича, трое из которых не вернулись с войны Михаил, Петр, Георгий, Андрей).

Впереди учительская нелегкая работа. Безотказно ехал Иван Илларионович туда, где он был нужнее всего. Потому и помнят сегодня Ивана Илларионовича и Зою Ивановну Коноваловых их бывшие ученики и коллеги в Бичурской средней, Малокуналейской, Верхнемангиртуйской школах. Они умели работать, сердечно жить с людьми, как умели ждать любить и мечтать.

Герои этого очерка – дети трудного, героического времени. Они достойно представляют его. Они были строгими к себе и друг к другу. Они мерили жизнь и людей той высокой мерой, которой порой не хватает нам сейчас. И все вечные вопросы долга, чести, мужества, верности они решали для себя по совести.

Зоя Ивановна ушла из жизни. Умер недавно и Иван Илларионович.

Окончен роман в письмах, но не окончена вечная книга жизни.

Н. КОРОБЕНКОВА